

ВСТУПЛЕНИЕ къ альманаху «Первое апрѣля».

Первое Апрѣля!?!... — «Тѣфу ты пропасть, что за дьявольщина?» воскликнуть гуляющіе по Невскому, увидѣвъ съ изумленіемъ объявленіе о нашей книжкѣ. — «Гм!.. Первое Апрѣля! ужь вѣрно что нибудь да ужь не спроста....» — «Пустячки, побасенки, такъ себѣ, — ничего, вздорецъ», скажутъ тѣ господа, которые читаютъ однѣ только интересныя страницы французскихъ романовъ и занимательныя объявленія о дрожкахъ, лошадахъ и собакахъ. — «Первое Апрѣля?!... чего не задираютъ эти сочинители, чего не затрогиваютъ... Мѣсяца даже не оставили въ покоѣ, э! хе, хе....» вымолвить иной, душевно радуясь, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ дѣло не касается его чести и амбиціи. — «Ручаюсь, что тутъ обманъ, непременно обманъ, — посмотрите, вѣдь само заглавіе свидѣтельствуешь que c'est tout bonnement un poisson d'avril¹.» — «Надувательная системка въ ходу-съ....» примолвить шутникъ, желая посмѣшить остановившагося тутъ же начальника своего. Словомъ, толкамъ и пересудамъ не будетъ конца.

Увѣряю васъ однако, почтеннѣйшіе господа, что всѣ вы крѣпко ошиблись, ошибаетесь и будете ошибаться, если такимъ образомъ станете отзываться о представляемой на судъ вашъ книжицѣ.

Конечно, спора нѣтъ, само ея заглавіе невольно какъ-то наводитъ на разные дурныя, неблагопріятныя толки и клеветы; сами мы не разъ объ этомъ думали, да дѣлать было нечего, такіе обстоятельства встрѣтились, что нельзя было дать другаго имени.

Но вникните-ка хорошенько, почтеннѣйшіе господа, въ сущность дѣла; ну какое можетъ тутъ быть надуванье? оно такъ, все такъ, мы сами соглашаемся, что съ первымъ Апрѣля тотчасъ вкрадывается въ душу недовѣрчивость, но вѣдь тутъ совсѣмъ другое: — вы входите въ лавку, отдаете деньги, и получаете — книгу; да, ни болѣе, ни менѣе, какъ книгу, пріятное и полезное, такъ сказать, развлеченіе для ума и сердца. — Какое-же тутъ надуванье? Чистосердечно васъ спрашиваемъ, какой тутъ обманъ? — Нѣтъ, мм. гг., нѣтъ.... Да положимъ даже, если бы и дѣйствительно оно было такъ, если бѣ и въ самомъ дѣлѣ мы рѣшились бы выкинуть вамъ какую нибудь штуку, да знаете, мм. гг., что и тогда не имѣли бы вы рѣшительно никакого права обвинять насъ. — Развѣ вы ни во что ставите дѣдовскіе обычаи? Развѣ вы позабыли ихъ? Развѣ вамъ не вѣдомо, мм. гг., что у честныхъ людей искони еще ведется обыкновеніе обманывать и надувать другъ друга въ Первое Апрѣля? — Ужь знать такой мѣсяць надувательный въ году пришелся, и пенять не на кого.

¹ Что это попросту первоапрѣльская шутка (франц.).

Кромѣ этого, сами видите вы, что вся просвѣщенная Европа пользуется такимъ обыкновеніемъ и почему же намъ не слѣдовать ея примѣру? Впрочемъ, кажется и за нами дѣло не стало; посмотрите-ка въ 1-е Апрѣля....

— Чѣмъ волнуется душа всѣхъ и каждаго?.. а?.. чѣмъ она волнуется?.. Обманомъ, однимъ только обманомъ, а въ Петербургѣ-то, въ Петербургѣ, — просто любо смотрѣть....

Взгляните напримѣръ на Семена Ивановича, посмотрите-ка съ какою самодовольною улыбкою пробирается онъ къ другу своему Петру Петровичу живущему на Петербургской сторонѣ. — Вотъ скрипнула дверь въ комнату Петра Петровича, — входитъ Семень Ивановичъ и весь въ попыхахъ бросается къ нему на шею. Жена, тѣща, дѣти Петра Петровича стоятъ на порогѣ, недоумѣвая о причинѣ восторга Семена Ивановича. — Другъ, дружище, говоритъ онъ наконецъ: — Поздравляю, отъ чистаго сердца поздравляю, я думаю ты, братъ, и не ожидалъ такого благополучія? — «Что, что такое?» робко и едва внятно произноситъ изумленный Петръ Петровичъ. — Какъ! да ты развѣ не знаешь? продолжаетъ его пріятель, вѣдь его превосходительство назначилъ тебѣ награжденіе, да еще приказалъ написать благодарность.... — «Что ты....» — Ей Богу, провались я сквозь землю, если это не правда.... Петръ Петровичъ, его жена, дѣти, бросаются другъ къ другу въ объятія; — раздается крикъ, визгъ, пискъ, — на это Семень Ивановичъ, подпершись въ бока, отвѣчаетъ сначала неистовымъ хохотомъ, а потомъ словами: «Полноте, полноте! вѣдь я васъ надуль, развѣ не знаете, что сегодня первое Апрѣля?...» Полюбуйтесь, напримѣръ, хоть вотъ этимъ юношею, который только-что получилъ по городской почтѣ раздушенную записку отъ хорошенькой аристократки, назначающей ему свиданіе и доступъ къ которой считалъ онъ прежде не сбыточною мечтою. — Онъ бударажитъ весь свой гардеробъ, несется къ лучшему парикмахеру, душится, завивается, прихорашивается, летитъ наконецъ къ назначенному мѣсту, позабывая, что все это случается первого Апрѣля и никакъ не соображая, что раздушенная записка не-что иное, какъ издѣліе пріятелей, сговорившихся лихо надуть его.

А посмотрите-ка, что дѣлается на Пескахъ и въ Коломнѣ.

Тамъ Ивану Кузьмичу, владѣтелю порядочнаго дома съ мезонинчикомъ, вдругъ слышались крики: «пожаръ! пожаръ!» Онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ мѣста, въ чемъ былъ, т. е. въ одной сорочкѣ, выбѣгаетъ на дворъ, не взирая на то, что окна облеплены жильцами, бѣгаетъ и суетится вокругъ своего жилища. Волненіе и безпокойство Ивана Кузьмича продолжаются до тѣхъ поръ, пока главный жилецъ, какой нибудь шутникъ, не прокричитъ ему: «Иванъ Кузьмичъ! вѣдь сего дня первое Апрѣля!»

А на улицахъ просто уже комедіи выходятъ, — рассказать почти не возможно. — Обратите вниманіе на этого господина горделивой осанки, который вдругъ остановился, измѣнился весь въ лицѣ, кинулся наконецъ на середину переулка, не смотря на грязь и лужи, нагнулся и поднялъ тщательно завернутый и запечатанный пакетъ. — Онъ долго разсматриваетъ его, переворачиваетъ то на одну, то на другую сторону, сердце его сильно бьется, «кладъ, кладъ» думаетъ онъ, и дрожащими руками принимается развертывать пакетъ. Господинъ не успѣлъ вскрикнуть, не успѣлъ съ какимъ-то особеннымъ остервененіемъ отбросить найденное, какъ вдругъ форточка

напротивъ отворилась, выглянуло смазливое личико и пискливый голосъ кричить уже ему: «Первое Апрѣля!»

Не станемъ распространяться болѣе о всѣхъ возможныхъ способахъ надуванья, употребляемыхъ перваго Апрѣля, скажемъ только, что обычай этотъ находить всегда много-премного поклонниковъ; такихъ даже, которые не довольствуются однимъ днемъ, а продолжаютъ слѣдовать ему во всѣ остальные дни и мѣсяцы года.

Просимъ васъ однако, любезнѣйшій читатель, не думать, что все сказанное нами сколько нибудь касается нашей книги; нѣтъ! оно такъ только къ слову пришло. Мы не интриганты и смѣемъ увѣрить, гордимся этимъ. Скажемъ болѣе, трудъ нашъ добросовѣстенъ, до того добросовѣстенъ, что мы рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ, разнымъ лживымъ анекдотамъ и совершенно невѣроятнымъ исторіямъ съ тою только цѣлію, чтобы заглавіе книги «Первое Апрѣля» имѣло какое нибудь значеніе, смыслъ; хоть сколько нибудь бы относилось къ содержанию и не показалось бы публикѣ одною пустою обманчивою вывѣскою, выставленною такъ только, для приманки. — Если же благосклонному читателю нѣкоторыя страницы, тѣ или другія, придутся не по вкусу, то да проститъ онъ насъ великодушно, или — что еще лучше пусть вырветъ ихъ вовсе вонъ изъ книги. Богъ съ ними, мимо ихъ! Пусть предастъ ихъ даже пламени, закуритъ ими трубку, обернетъ что нибудь, словомъ, распорядится этою дрянью по благоусмотрѣнію. Мы за ранѣе на все соглашаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха.»